

Олег Губарь

Путеводитель по пушкинской Одессе*

Специализированные ряды

Едва ли Пушкин их посещал: разве что случайно. Однако без упоминания об этих надлежащим образом оформленных местах специализированной торговли панорама синхронной Одессы изрядно утратила бы рельефность и многоцветье.

В принципе, Вольным рынком (Старым базаром) в ту пору называли значительное пространство, а вовсе не только четыре торговых отделения по периметру рыночной площади. В его орбиту попадали мясные («резничные»), рыбные, щепные и прочие ряды. Представляю здесь их краткую историю; все архивные ссылки можно найти в моей монографии «История градостроительства Одессы...» (2015).

Мясные (Резничные) ряды

Первые каменные мясные ряды были выстроены «в июне 1798 г. за Вольным рынком, на отведенном через дорогу месте», то есть по нечетной стороне Большой Арнаутской, купцом Семеном Афанасьевым, причем бойни находились на периферии, со стороны степи, «для предохранения заражения воздуха». 11 августа того же года купцы Иван Самарин, Василий Чура, Федор Яловилов и мещанин Бабарыкин просили городской магистрат разрешить им постройку мясных лавок в III квартале,

* Продолжение. Начало в кн. 64, 66-80.

то есть непосредственно на рынке, напротив лавок Афанасьева. Магистрат поручил ратманам Попандопуло и Соколову освидетельствовать уже существующие строения Афанасьева и свободные места поблизости. Ратманы донесли, «что мясные лавки выстроены позади Вольного рынка, чрез дорогу, в одной линии», обращены к городу тылами. Вместе с тем иногородние промышленники, устроившие мясные лавки на самом рынке, «не только доставляют гражданам в торговле подрыв, но составляют тесноту и наполняют воздух нечистотою, отчего происходит вред городским жителям».

14 августа 1798 г. магистрат уведомил инженерную команду: «Так как со времени основания города на опробованном генеральном плане для постройки мясных лавок положено за вольным рынком иметь одну лишь линию лавок для продажи мяса и резьбы скота, где таковые лавки ныне купцом Семеном Афанасьевым и выстроены, но как позади их назначенные для постройки домов кварталы еще не заняты, то и не встречается препятствия просителям Самарину с прочими, за неимением уже места в отведенной по плану линии, дозволить строить мясные лавки на противоположной стороне от вольного рынка, с тем, однако, обязательством, чтоб соблюдаема была чистота. Вместе с тем, когда вышеозначенные кварталы совершенно застроятся, то лавки обязаны они перенести на оконечность города; что же касается до бойниц, то оные близ лавок строить не дозволяется, а как место для них на генеральном плане не определено, то могут быть таковые строены в отдаленности от города».

9 сентября 1798 г. магистрат уточняет: «Лица, имеющие мясные лавки, построенные несогласно генерального плана и не в ряду, обязаны оные уничтожить, а взамен их дозволить построить такое по плану, если место есть свободное, в противном случае разрешается им выбрать место более удобное и просторное».

Здесь уместно упомянуть наименование несохранившегося дела из фонда Одесского городского магистрата, датированного 10 июня – июлем 1797 г.: «Об утверждении еврейской резницы Сруля Мошковича». Из этого следует, что стационарные мясные лавки функционировали, по крайней мере, за год до того, как свою «линию» соорудил Семен Афанасьев.

Стандартная секция Нового Мясного ряда:
двухэтажный дом с лавкой И.И. Ковшарова.
Архитектор Джордж Торичелли

Из плана Е.Х. Ферстера 1802 г. видно, что мясные ряды занимают нечетную сторону Большой Арнаутской улицы в пределах двух кварталов – XLVII и XLVIII. Первый из них ограничен будущими улицами Преображенской, Малой Арнаутской и Александровским проспектом, второй – Александровским проспектом, Малой Арнаутской и Екатерининской. В интервале между 1798-м и 1802-м мясной ряд продолжен по четной стороне Александровского проспекта в XLVII квартале и слегка изогнулся клюшкой на противоположной его стороне. Кроме того, как и планировалось, отдельные лавки и жилые здания фиксируются в глубине обоих кварталов. В перспекти-

ве же, после застройки этих кварталов домами, как было регламентировано, мясные ряды должно перенести «на оконечность города». Так вскоре и случилось: уже в середине 1800-х годов они были отодвинуты за Малую Арнаутскую.

Небезынтересная информация о, если можно так выразиться, переходном периоде истории мясных рядов содержится в одном из обширных дел ОСК по отводу мест, датированном 25 июня – 22 июля 1808 г. В это время иностранный купец Велари застроил одно из мест в XLVII квартале жилым домом. Одесский 3-й гильдии купец Николай Лифинцов сообщает, что это место ему в свое время отвел для устройства резницы военный инженер Кайзер. Была там небольшая деревянная лавка, шириной в три с лишним сажени. С одной стороны соседствовал Иван Ростовцев, а с другой Борис Суворцев (Суворцов). Более семи лет здесь шел мясной

Бывший Старорезничный ряд, перестроенный в занимавший практически целый квартал доходный дом Мичри, затем Болгарова: Малая Арнаутская, № 107, Александровский проспект, № 36. Снимок автора, конец 2000-х гг.

торг. Затем мясные лавки перенесли в другое место, а эту лавку, оставшуюся без надзора, злоумышленники растащили на дрова. Поскольку со времени переноса мясных рядов на данный момент прошло уже два года, легко посчитать, что Лифинцов, Ростовцев и Суровцев получили первичные места под резницы не позднее 1799 г. и торговали во временных деревянных лавках.

Что касается устройства стационарного мясного ряда на новом месте, между Малой Арнаутской, Александровской, Старорезничной улицами и Резничным переулком, это произошло в 1806 г. 10 июня упоминавшийся купец Ростовцев от имени купцов, занимающихся резничным промыслом, и мясопромышленников пишет, что они своих собственных лавок не имеют, а арендуют дорогою ценою чужие (очевидно, Афанасьева). Купцы просят отвести место под застройку резничными лавками «по правую сторону дороги, идущей из Вольного рынка к Фонтану (то есть по будущей Александровской улице. – О. Г.), против квартала XLVII-го». По определению, записанному в журнале ОСК от 21 июня 1806 г., просимое место для построения лавок по утвержденному Комитетом плану было отведено.

Мясные (резничные) лавки были выстроены всего за три месяца, и 17 сентября Ростовцев сообщает об этом Комитету. Места в мясных рядах достались их владельцам, как это было принято, по жребию: № 1-7 обрел сам Ростовцев, а всего получилось 28 номеров. Изначально планировалось построить 22 лавки и четверо ворот, выходящих на все окружающие улицы и переулок, но в результате вышло 28 давок и двое ворот. Как видно из планов города, упомянутые ворота выходили на Малую Арнаутскую и Старорезничную улицы, а в целом ряд представлял собой почти квадрат, образующий обширный внутренний двор.

Член Комитета именитый гражданин Кленов пишет, что из всего резнического общества только шесть человек хотят дополнительно построить двое ворот (выходящих на Александровскую улицу и Резничный переулок). 24 декабря 1806 г. одесский городской голова Амвросио обревисовал «мясные резнические лавки» и нашел, что действительно нужно еще двое ворот, что и было дозволено сделать под надзором архитектора.

В другом архивном деле фиксируется выдача 20 сентября 1806 г. открытых листов на выстроенные Ростовцевым и компанией (поименно) мясные лавки. В следующем деле из фонда ОСК сюжет о сооружении ворот находит свое продолжение. 21 января 1807 г. Комитет получает рапорт из городской полиции, в которую 19 января подано прошение от здешних резников об устройстве третьих ворот в мясных рядах одесскими купцами Иваном Токаревым, Иваном Андреевым и Петром Болгарским самочинно, без общего согласия и не против плана. Просители просят найти управу на самовольщиков, которые разломали часть общей стены к убытку остальных. Так или иначе, а в конечном итоге резничный квартал обзавелся четырьмя воротами, выходящими на все прилегающие улицы. Этот квартал виден уже на плане Фраполли 1807 г., причем здесь он показан еще смонтированным в запланированный квартал большей площади.

В дальнейшем будет видно, что большинство специализированных рядов рано или поздно дублировалось: увеличение спроса вело к росту предложения, и, следовательно, новым коммерсантам требовались очередные торговые площади. В результате возникли новые рыбные, мясные, кузнечные, дегтярные и щепные ряды. Однако, несмотря на поступавшие в ОСК многочисленные прошения

об отводе мест под означенные ряды, решение проблемы осложнялось троекратным переносом черты порто-франко. Разумеется, они не могли находиться за ее пределами. И в то же время внутри не было достаточно свободных для отвода участков. Благоприятные для отвода условия сложились после некоторого расширения границ порто-франко в соответствии с высочайше утвержденным положением комитета министров от 12 января 1826 г.

Сопоставление генеральных планов города демонстрирует процесс смещения Старого базара в направлении Городского кладбища и соответственно миграции в том же направлении *Привозной площади*, то есть пространства, на котором останавливался прибывающий в Одессу гужевой транспорт и велась торговля непосредственно «с колес». Сначала это были незастроенные кварталы XLVII-XLVIII. После застройки их мясными лавками «привоз» отодвинулся на место, вскоре застроенное резницами и щепным рядом, затем – на место, которое позже заняли рыбные ряды. Наконец, он расположился меж рыбными рядами, рвом и оборонительными казармами. Далее отступать было некуда. Однако после перемещения черты порто-франко с Рыбной улицы на Внешний бульвар появилась возможность устроить между ними не только довольно обширный «привоз», но и выстроить новые мясные и рыбные ряды, которые и возвели в 1826-1830 гг. На плане Одессы 1830 г. новые мясные и рыбные ряды и привозная площадь в целом показаны в нынешних своих пределах. Эти ряды, к слову, сформировали новую улицу – Привозную, от Екатерининской до Преображенской, на исходе XX столетия так же органично, но болезненно для коренных горожан исчезающую.

Щепные, Дегтярные, Кузнечные, Овсяные ряды

Старый щепной ряд – третий по старшинству после Старого мясного. Первым стационарным каменным рядом (конец XVIII века) был Гостиный, на будущем Александровском проспекте, предназначенный для торговли «красным товаром». Первенство Гостиного

ряда связано с тем, что торговля недешевым товаром в деревянных балаганах, с ларей и проч. была крайне затруднительной. Что касается щепного товара, то из архивных документов видно: до поры до времени им торговали как раз с временных деревянных лавок, располагавшихся за такими же временными мясными лавками, на периферии мигрирующей в направлении Городского кладбища привозной площади. Пишу «привозной» со строчной буквы, поскольку слово это в конце XVIII – начале XIX столетий фиксирует главным образом функцию, функциональное назначение, а не некое утвердившееся конкретное название, то есть это еще не топоним.

Прошения от торговцев, с давних пор торгующих щепным товаром с мелочных лавок, о построении стационарных каменных поступали в ОСК неоднократно. 12 августа 1809 г. в присутствии герцога де Ришелье строить «просимые места или так называемый Щепной ряд» было позволено. При этом оговаривалось, чтоб там продавались исключительно «уголья, вилы, дрючки, колья» и т. п. Лавки должны были строиться по утвержденному Комитетом плану, в один год, начиная с 1 апреля 1810 г.

Под Щепной ряд отмежевали территорию напротив XLVIII квартала, по нечетной стороне Малой Арнаутской улицы, меж Екатерининской и Александровской. За Александровской улицей к нему примыкал Мясной (Резничный) ряд, за Екатерининской – XIV квартал, а за Старорезничной несколько позднее отстроили Рыбные ряды. Из плана Франческо Фраполли 1807 г. видно, что впоследствии Щепной ряд занял около половины намеченного, но так и не состоявшегося жилого квартала, другую часть которого отвели под Рыбный ряд.

Сооружение лавок пошло довольно быстро: прошения о выдаче владельческих документов стали поступать в том же году, одновременно продолжался и отвод мест новым просителям. При этом постоянно и четко фиксируется привязка Щепных рядов к Вольному рынку: то есть, как уже упоминалось, это торжище территориально включало не только четыре отделения (квартала), непосредственно окаймлявших рыночную площадь, но и серию окрестных специализированных рядов, и, разумеется, «привоз».

27 октября 1810 г. одесский купец Алексей Татаринов «на отведенном ему от Комитета месте, состоящем на вновь прибавлен-

ном квартале неводдаль лесных рядов под № 14» построил лавку по плану. Место отведено ему 11 июля 1810-го – «в щепном ряду № 14», мерою пять на три сажени. Архитектор Ф. Фраполли свидетельствует, что лавка построена по плану, и ОСК принимает решение о выдаче Татаринову открытого листа. 15 декабря 1810 г. одесский мещанин «евреин Лейба Хаймович» докладывает Комитету, что выстроил лавку в Щепном ряду, «на вновь прибавленном квартале, под № 12». В деле указано, что место отведено 10 сентября 1809 г., мерою пять на три сажени, то есть он получил его в числе первых. После освидетельствования городским архитектором Хаймовичу выдали владельческие документы.

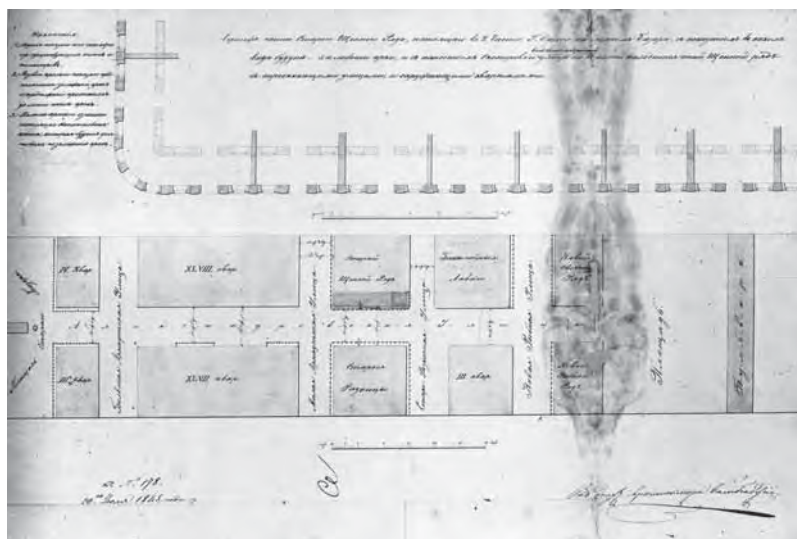
В тот, как и в последующий период, застройщиками Щепного ряда были преимущественно евреи, нередко далеко не лучшего достатка. Так, мещанину Лейбовичу для сооружения лавки № 9 понадобился не год, а более двух лет. Место ему отвели 10 сентября 1809 г., а построился он «на вновь прибавленном квартале неводдаль мясных рядов» 6 июня 1812 г. 8 августа того же года лавку № 64 окончил другой мещанин Лейбович, по имени Мендель, судя по всему, родственник предыдущего. Место ему отвели 10 ноября 1810 г., то есть на постройку у него ушло без малого два года. В этот же период в числе просителей и застройщиков Щепного ряда упоминаются одесские жители Беня Валиович, Мошка Вельсер, Файбиш Абрамович, Янкель Кимберг и др.

Застройка Старого щепного ряда продолжается в середине и второй половине 1810-х годов, отчасти по несостоятельности тех лиц, которым места отводились прежде, и которые не сумели возвести лавок. Наличие незастроенных мест фиксируется архивными документами в 1815-м, 1816-м и т. д. Весной 1817 г. в Щепном ряду появляются еще и колесные лавки. Дело в том, что места под них были отведены далеко за городом, а потому никто не пожелал там строиться. И поскольку в Щепном ряду все еще оставалось «вдосталь пустых мест», то колесники и просили отдать их им. По распоряжению ОСК архитекторский помощник Джованни Фраполли фиксирует эти пустопорожние места № 28-59, и просителям отводят оные на общих основаниях. На плане города, составленном архитектором Торичелли в 1828 году, в этом ряду обозначено 72 лавки: по 26 мест с длинной стороны и по 10 с торцевой.

В тот же период возникает обычная для юной Одессы коллизия: Щепной ряд построен и функционирует, а между тем щепным товаром продолжают торговать в других местах. Точно так же после постройки мясных, рыбных, дегтярных и прочих рядов оными товарами продолжали торговать вразнос, на несанкционированных местах и т. п. По этой причине коммерсанты Щепного ряда обращаются в Строительный комитет, жалуются на подрыв торга, а ОСК, в свою очередь, обязывает городскую полицию следить за тем, что «когда лавки будут для какого рода промышленности построены, то в других местах продажа тех товаров не должна быть производима». Разбор проблемы продолжался в интервале 26 ноября 1817 г. – 21 марта 1818 г., а постановление Комитета, как видим, имеет отношение ко всем без исключения специализированным рядам. В этом случае совершенно очевидно, что ОСК исполняет функции, весьма далекие от собственно строительной части.

Другим старым районом щепной и дегтярной торговли служили окрестности так называемой *Верхней немецкой колонии* (территория компактного проживания преимущественно ремесленников, выходцев из германских государств; *Нижняя немецкая колония* – Ремесленная улица и ее окрестности), ниже Лютеранской площади, в районе улиц Дегтярной и Кузнечной: функциональная связь кузнечного, дегтярного и щепного промысла очевидна. Лавки для торговли дегтем «в одну линию, длиною, как придется по числу их, а в ширину до 5 аршин» разрешили строить нескольким купцам и мещанам еще в августе 1800 г. С другой стороны, сформировавшийся здесь впоследствии густонаселенный жилой массив со множеством ветхих деревянных пристроек в тесных двориках совершенно не годился для складирования огнеопасных материалов. И хотя Щепной ряд функционировал на Вольном рынке, аналогичная торговля долго оставалась и на Дегтярной улице, в 3-й части города. История переноса отсюда щепной и дегтярной торговли растянулась на долгие годы.

В орбите Верхней немецкой колонии помимо Дегтярного находился и так называемый Кузнечный ряд. В одном из «отводных дел», хранящихся в фонде Строительного комитета, прямо сказано о том, что места под кузницы в «Старом кузнечном ряду» отво-

План, указывающий, как станут заделываться арки лавок Старого щепного ряда, обращенных к Александровской улице и Старому резничному ряду. Справа, за Новой Рыбной улицей – Новый овсяный, Новый рыбный ряды и Привозная площадь. Архитектор Луиджи Камбиаджи, 1845 г.

дила еще инженерная команда. Из контекста совершенно очевидно: ряд этот обустроивался довольно рано, до создания ОСК, судя по всему, одновременно со Старым дегтярным, по параллельной Кузнечной улице. Это тем более очевидно, что до 17 мая 1815 г. Кузнечный ряд строился без утверждения планов и фасадов. Перустройство ряда с этого времени обусловлено последствиями прошения самих кузнечных мастеров, поданного в Комитет 24 октября 1814 г. Наличие не только собственно кузниц, но и жилых домов при оных фиксируется здесь, по крайней мере, в середине 1800-х годов.

17 мая 1815 года в журнале заседаний ОСК отмечено: кузнечные мастера пишут о том, что с давних пор им отведены под кузницы места, но владельческих документов у них нет. Проводивший рекогносцировку на местности архитектор Фраполли не нашел препятствий от сближения Кузнечного ряда с оборонительными казармами. Однако он зафиксировал при кузнях жалкие землянки

и хижины, безобразящие город. Кузнецы занимаются своим ремеслом прямо под открытым небом. А меж тем квартал, занятый кузнями, «уже вошел в город», то есть этот обособленный на первых порах островок на Греческом форштате соединился с материком Военного форштата постепенно обустроивающейся улицей Немецкой (Колонистской, Ямской) и параллельными. Поэтому отныне дома должны здесь строиться по типовому плану в течение полутора лет. При этом кузня может находиться в нижнем этаже, под сводами.

В начале 1820-х годов в Кузнечном ряду и на примыкающих местах строились вовсе не только одни кузнецы, но и ремесленники других специальностей, в первую очередь, из германских государств. Так продолжался процесс формирования Верхней немецкой колонии.

Поскольку мы упоминали в этом разделе Дегтярные и Кузнечные ряды, уместно вкратце упомянуть и помещавшиеся близ них, на Греческом форштате, Овсяные. Места под овсяные лавки отводились по определению ОСК от 5 сентября 1818 г., а списки отвода были составлены еще в августе. В целом под этот ряд отмежевали 2572 квадратные сажени городской земли, составившие 43 номера равной меры. Правда, 33 из этих мест имели дворы, а 10 не имели, что было обусловлено треугольной формой Овсяного ряда, имевшего общий полукруглый двор и ворота на три улицы. Срок застройки определялся в полтора года, начиная с 1 марта 1819 г. Из «Книги на записку утвержденных Комитетом планов» за 1823–1824 годы видно, что некоторые овсяные лавки строились здесь и после назначенного срока.

Рыбные ряды

3 августа 1804 г. герцогу де Ришелье было адресовано прошение от группы «торгующих разною рыбою одесских мещан». «По неимению в здешнем городе особых рыбных рядов, – пишут они, – имеем мы крайнюю в оных необходимость. По причине, что на Вольном рынке да и нигде в городе для складки заготовленной нами в немалом количестве на знатную сумму вялой и про-

соленой рыбы ни за какие деньги (помещения. – О. Г.) нанять не можно. Чрез то самое получаем мы немалые в капитале своем убытки и разорение». 20 августа из Строительного комитета в Одесскую инженерную команду поступает распоряжение Ришелье «отвести места для рыбных лавок на Греческом форштате, на кварталах по четыре: L, под № 568, 569, 574, 575; XLIX, под № 556, 557, 563, 563-м; LI, под № 576, 577, 588, 589; LII, под № 590, 591, 598, 599, и таковое исполнение отнестъ инженерной команде».

Как видим, в данном случае Рыбный ряд дробился на четыре обособленных фрагмента, причем не имел непосредственного отношения к Вольному рынку, ибо все упомянутые кварталы находились на Греческом, а не на Военном форштате. Очевидно, такое решение было связано с необходимостью удаления, если можно так выразиться, экологически неблагоприятных рыбных складов из жилой зоны в район, где застройка только начиналась. Кварталы L и LII лежали по обе стороны будущей Немецкой (Лютеранской) площади, квартал LI – это конец четной стороны улицы Тираспольской, наконец, квартал XLIX лежит меж улицами Преображенской, Малой и Большой Арнаутскими, Мещанской.

В фонде ОСК сохранилось отдельное дело от 16 августа 1804 г. «Об отводе мест на застроение рыбных лавок». Здесь сброшюрованы прошения одиннадцати одесских мещан, одного купца и одного отставного военного «в Установленный в Одессе комитет», написанные по единому стандарту: «На вновь назначенных местах для произведения рыбных торгов имею я намерение выстроить в приличности означенного прожекта лавку с принадлежащим к ней строением (...)» и т. д. То есть каждый из них имел возможность получить целое место, а одно даже оставалось свободным.

Несмотря на благородное намерение просителей выстроить рыбные лавки «в приличности», реально это было едва ли возможно, учитывая социальный статус застройщиков, да и само местоположение отведенных им мест. Из плана Ф. Фраполли 1807 г. не видно, чтобы указанные кварталы интенсивно застраивались. Судя по всему, первые рыбные лавки представляли собой очень скромные сооружения. Это тем более очевидно, что после чумной эпидемии обнищавшие промышленники Херсонской площади

(Нового базара) просили Ришелье о переводе к ним Рыбного ряда, на что 23 марта 1814 г. последовало дозволение.

Меж тем отсутствие стационарных помещений для торговли и складирования рыбы на Вольном рынке оставалось проблемой, в особенности остро обозначившейся после весьма удачных для города 1816-1817 годов, когда резко возрос хлебный экспорт и соответственно доходы горожан. В сентябре 1818 г. на Вольном рынке, за Щепным рядом, отвели ровно столько же места под Рыбный. Получившие землю под застройку обязаны были построить двухэтажные лавки по утвержденному плану в один год, начиная с 1 марта 1819 г. А 14 октября 1818 г. Одесский комитет получил новое прошение «от промышленников рыбною торговлею». Они сообщали, что городской архитектор Дигби объявил им сделанный по повелению Комитета план на построение рыбных лавок в два этажа. По этой причине просители объясняют Комитету, что, во-первых, между ними мало сыщется таких состоятельных людей, которые смогут выстроиться по сему плану, а во-вторых, «что промышленность рыбою неудобно производить в двухэтажных лавках, а должны лавки быть без потолков, чтобы воздух проходил повсюду, а с потолка лавки теплые, и рыбы держать в них невозможно, которая от духоты будет портиться. По сим обстоятельствам Комитета покорнейше просим повелеть г-ну архитектору сделать план на построение рыбных лавок в один этаж».

Здесь уместно привести следующую цитату из журнала заседаний ОСК: «1818 года сентября 16 дня Одесский комитет слушали рапорт городского архитектора Дигби, которым на повеление Комитета об отводе мест под рыбные лавки доносит, что по разбивке в натуре мест на Военном форштате против Щепного ряда, назначено место по Сенной площади – 92 поперек, с обоих концов 20 сажень, для 19 лавок с галерею по лицевой линии с площади, а против Щепного ряда 19 домов». То есть со стороны Сенной площади, местоположение которой теперь становится понятным, следует строить лавки, а со стороны Щепного ряда – примыкающие к ним с тыла жилые помещения. Места по жребью, сроком на один год, считая с 1 марта 1819-го, достались: сотруднику Комитета титулярному советнику Михаилу Кривчикову («случайно» – два выгодных угловых, № 1 и 2), бахчисарайскому купцу

Лавки в Старом рыбном ряду. Фото Георгия Зозулевича, 1960-е гг.

Илье Ичаджику – № 3, мещанину Николаю Павлову – № 4, мещанину Димитрию Панченко – № 5, купцу Димитрию Калафати – № 6, мещанину Ивану Керексили (?) № 7, купцу Ивану Биби – № 8, мещанину Максиму Могилевскому – № 9, мещанину Илье Базарному – № 10, мещанину Ивану Барабашеву – № 11, купцу Ивану Дичопуро (Дичопуло?) – № 12, мещанину Якову Цурину – № 13, мещанину Леонтию Тимченко – № 14, купцу Григорию Немешеву – № 15, мещанину Якову Арсентьеву – № 16, мещанину Якову Доброве – № 17, мещанину Федору Кулибину – № 18, мещанину Даниле Колошину – № 19.

Небезынтересно, что одновременно, с 1 марта 1819 года, должна была начаться застройка еще одного нового квартала, III, небольшого, соседнего, меж будущими улицами Александровской, Рыбной, Резничным переулком, Старорезничной. Здесь какой-то период находились временные рыбные лавки. Места раздавались опять-таки по жребию, поскольку экспозиция была по-разному выгодной: «от степи», «в середине», «от резниц». Участки сроком на год получили Тимофей Ващенко, Николай Павлов, Григорий Немешов (Немешев).

Одноэтажный Рыбный ряд в классическом стиле был сооружен в начале 1820-х годов, он описан и проиллюстрирован в литературе. Как видно из плана города, составленного архитектором Торичелли в 1828 году, он состоял из 24-х лавок (мест). Однако с ним произошла история, характерная и для других специализированных торговых рядов, скажем, для Старого щепного. Владельцы рыбных лавок использовали их не по назначению, что нередко было выгоднее в условиях дефицита рыночных помещений. Многие лавки переходили в другие руки, и новые владельцы сдавали их в аренду под кабаки, ренсковые погреба, кофейни, харчевни, ночлежки. В связи с этим реальные рыбопромышленники по-прежнему оставались без торговых и складских помещений, а потому вынуждены были просить ОСК об отводе им места под Новый рыбный ряд.

Сюжет этот подробно изложен в деле ОСК, начатом 3 февраля 1825 г., «О построении рыбных лавок на Старом базаре». Излагаю резюме. Сначала прямо говорится об использовании Старого рыбного ряда, устройство которого начато в сентябре 1818 г., не по назначению. Действующие рыбопромышленники просят отвести новые места. Свободная территория, как уже упоминалось, это часть Привозной площади, в 40 саженях от Городского кладбища. Однако там, «на выгоне Старого базара», по разрешению градоначальника Н. Трегубова с 1821 г. находятся временные деревянные лавки для мелочной торговли. Означенные торговцы вмещиваются в отвод мест, требуя первенства по справедливости. Их просьбы удовлетворяются, и им передают уже прежде розданные места. Назревает конфликт меж двумя группами застройщиков. ОСК разводит враждующие стороны. Прошения от рыбопромышленников и мелочных торговцев поступают в 1826-1828 гг. На построение лавок Комитет дает два года. Первые построены уже в 1828-м, а последние в 1830-м. Замечательно, что в числе построившихся есть и владельцы старых рыбных лавок, которые изначально вообще убеждали власти в нецелесообразности строительства Нового рыбного ряда.

Важный момент. Все специализированные ряды возводились по утвержденным Комитетом классическим фасадам, с колоннадами и галереями. Они окаймляли Александровскую площадь,

одноименный проспект, площади Старого и Нового базаров, улицу Новорыбную, Старорезничную и др., как бы имитируя античную агору, то есть позиционировали Одессу как наследницу античных полисов. Однако в практическом смысле такое устройство тривиальных рыбных или мясных лавок не вполне отвечало их назначению: галереи сокращали площадь и без того не очень обширных торговых помещений, затрудняли непосредственное общение с покупателем. Поэтому постепенно многие из галерей застраивались – после челобитных домовладельцев и соответствующих санкций высшего начальства и ОСК. Так были застроены галереи Гостиных рядов в домах Протасова и Авчинникова, Новые мясные и Новые рыбные ряды, часть галерей по периметру Херсонской и Старобазарной площадей. К 1840–1841 гг. относится дело «По предписанию г-на генерал-губернатора о дозволении хозяевам Нового рыбного ряда устроить в их лавках вместо колонн двери с окнами», из которого читатель имеет возможность почерпнуть подробности процесса преобразования фасадов.

* * *

Изложенное в сопровождении иллюстраций позволяет получить довольно четкое представление о том, что представляли собой специализированные торговые ряды в пушкинское время, а равно об этническом и социальном составе владельцев тех или иных лавок, некоторых обстоятельствах быта.

Новый рынок (Херсонская площадь)*

Посещения Пушкиным Нового базара вполне вероятны. Рынок располагался в двух кварталах от Соборной площади, поблизости находилось несколько домовладений, связанных с пребыванием Поэта в Одессе: Кирьяковых, Кошелева, Фундуклея, Давыдовых, Румаре и др.

Может создаться впечатление, будто второй большой одесский рынок сформировался в силу активизации застройки

* Более подробно история этого района рассмотрена в моей монографии «История градостроительства Одессы...» (2015).

Греческого форштата. Полагаю, однако, что дело обстоит не совсем так или скорее совсем не так: это как раз Греческий форштат стал энергично расти в процессе формирования Нового базара, по той же схеме, что и Вольный рынок.

Застройка Херсонской площади торговыми рядами, жилыми и хозяйственными сооружениями инициировалась Одесским строительным комитетом под председательством герцога де Ришелье и была обусловлена двоякими причинами. Во-первых, явилась настоятельная необходимость разгрузить Вольный рынок, в очередной раз заполненный временными деревянными лавками. Владельцы таких лавок подрывали торг стационарных обитателей базара, а бороться с ними репрессивными мерами означало уже подрывать благосостояние мелких и мелочных коммерсантов, а вместе с ним – Одессы в целом. С другой стороны, близ Вольного рынка постепенно начинал ощущаться дефицит свободных территорий, тогда как Греческий форштат практически пустовал: относительная концентрация построек в середине 1800-х наблюдается лишь в кварталах, примыкающих к будущей Соборной площади. «Херсонская же улица, – по мнению А. Белецкого, – в то время была лишь кое-где намечена небольшими землянками». Поэтому ОСК и принял обоснованное решение о передислокации на Херсонскую площадь тех коммерсантов, кои опоздали к раздаче мест на Вольном рынке и владели там лишь временными лавками. Ришелье и Комитет в целом справедливо полагали, что в числе таковых переселенцев найдутся предприимчивые, достаточные люди, которые обустроят новую рыночную площадь, и она сделается центром кристаллизации нового городского района.

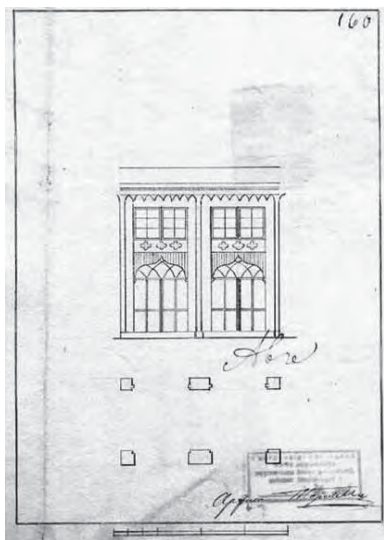
Из архивных дел видно, что в канун раздачи мест на Херсонской площади прилегающие кварталы были по большей части пусты. Так, например, 28 июня 1809 г. в XVII квартале (меж нынешними улицами Коблевской, Дворянской, Нежинской и Средтенским переулком) сразу несколько мест, № 201-202, 209-212, больше половины всего квартала, передали в другие руки, поскольку прежние владельцы их не застроили.

19 сентября 1810 г. ОСК определил: назначенные на новой площади для лавок места отвести тем, кто должен перенести

туда временные свои лавочки с Вольного рынка, и не иначе как по жребью, таким образом, чтобы, приготовив номера, созвать всех их в Комитет и предложить им взять один номер наугад. Далее же, когда владеющие лавочками на Вольном рынке промышленники будут удовлетворены, и затем останутся еще свободные места, то последние отвести по обыкновенному в Комитете постановленному правилу – по очередности подачи прошений. При раздаче мест вышесказанным промышленникам, имеющим лавочки, наблюдать строго: 1) точно ли имеет тот лавочку, который просит ныне на новой площади места; 2) в состоянии ли он выстроить лавку по назначенному плану и представил ли свидетельство за подписью градского главы и полицмейстера о состоятельности. Определение подписали действительный статский советник граф Сен-При (председатель Одесского коммерческого суда), карантинный инспектор Россети, таможенный директор Скадовский, коммерции советник Рено и градской глава Андросов.

Жеребьевка в ОСК проходила в два этапа, 20 и 24 октября, а выдача квитков – 24-го и 26 октября 1810 г. При этом получившие места подписали обязательства: отстроить лавки по утвержденному плану в течение семи месяцев, начиная с 1 апреля 1811 г. К заготовлению материалов следовало приступить тотчас же, а строительство начать весной, не позже первой половины июня. Ежели к этому времени по освидетельствованию на месте не окажется заготовленного материала, участок отберут. Если за семь месяцев лавка не будет полностью построена, хотя бы даже постройка поднята выше цоколя, землю все равно отберут и передадут более надежному исполнителю, а тот возместит расходы предыдущему владельцу за материал и работу. Кроме того, лицо, получившее квиток, не имеет права передавать место в другие руки до завершения строительства и получения владельческих документов. В двух жеребьевках участвовало 39 владельцев временных лавок на Вольном рынке, в том числе: 16 купцов, двое, причисляющихся в купечество, и 21 мещанин. Этническая раскладка: 22 славянских фамилии, шесть греческих, 10 еврейских и одна немецкая.

С конца октября начинается практический отвод мест, доставшихся по жребью, во всех пяти кварталах (отделениях) Херсонской

Лавка купца 3-й гильдии Егора Молчанова
на Новом рынке.
Архитектор Джорджо Торичелли, 1826 г.

площади, вдоль будущих улиц Торговой, Нежинской, Конной, Княжеской. С января 1812 г. отвод мест продолжается, в том числе – тех свободных мест, которые остались после жеребьевки между владельцами временных деревянных лавок на Вольном рынке. Первые лавки на формирующейся рыночной площади отстраиваются уже весной 1812 г. в V квартале, расположенном между улицами Торговой, Коблевской, Нежинской и Сретенским переулком. Занимательно и замечательно, что часть этого квартала, спроектированного Франческо Фраполли, сохранилась до сих пор!

Как и предполагали инициаторы внедрения этой меры в лице Ришелье и ОСК, в то же время по случаю открывающейся перспективы одесские жители начинают активно разбирать места в окрестностях Херсонской площади. Однако тут же вновь возникла прежняя навязчивая проблема временных деревянных лавок: едва застройщики успели завершить свою многотрудную затратную работу, как тут же получили конкурентов в лице дежурных «лавочников». Уже 1 апреля 1812 г. в ОСК поступает жалоба одесских купцов: пока они добросовестно возводят каменные строения, некоторые лица, вместо того чтобы заниматься тем же, ваяют деревянные лавочки и шалаши, порой прямо перед отведенными им местами. Петицию подписали девять купцов и один мещанин. Из этого следует, что солидные фигуранты серьезно взялись за дело, а менее состоятельные лица стремились получить в создавшихся обстоятельствах хотя бы мелочную выгоду. Многие из несостоятельных горожан впоследствии потеряли здесь свои места, а данную проб-

лему ОСК разрешил 8 апреля указанием городской полиции немедленно уничтожить все деревянные лавочки.

По ходу сооружения торговых отделений (кварталов), примыкающих к переулкам, возникла уже знакомая нам ситуация, а именно нехватка места для устройства дворов, примыкающих к лавкам с тыльной стороны. 6 июня в Комитет поступает прошение от девяти домовладельцев пионерной застройки – V квартала: «По отводу нам в 5-м квартале мест, выстроены нами чрез весь тот квартал во всем сходно плану лавки для торговли, и при оных к своему жительству домики». Однако нужны ведь и дворики. Между тем позади квартала есть место в переулке, и если отрезать от него немного земли, то ширина проезда и тогда составит 9 сажен. 20 июня 1812 г. ОСК гуманно прибавляет по 3 сажени земли за счет территории переулков домовладельцам всех трех примыкающих к ним кварталов Нового базара – II, III и V – «по тесноте дворов».

В это же время продолжается переход мест, доставшихся по жребию, но не застроенных в срок, в другие руки. Мы видим, например, как некоторые из этих номеров уже в 1812 г. достаются крупнейшим застройщикам Херсонской площади – купцу Великанову и князю Жевахову (см. ниже). Занимательно, что 23 ноября 1811 г. два места, № 66–67, в IV квартале отвели самому архитектору Ф. Фраполли, однако он отказался от постройки, и 6 июня 1812 г. их передали другому лицу. Тогда же, летом, целая серия мест в разных отделениях площади тоже переходит в другие руки. Параллельно наблюдается отвод еще не розданных мест и завершение постройки лавок. Процесс этот продолжается в 1813 г., после ликвидации чумной эпидемии.

Чума основательно подорвала позиции промышленников Херсонской площади, ибо они вложили в застройку значительные капиталы, а доходы в этот период упали практически до нуля. 16 марта 1814 г. 50 застройщиков подают прошение на имя герцога де Ришелье. Они пишут, что выстроили лавки по утвержденному плану, надеялись вознаградить затраты, но тут навалилась «заразительная болезнь». Вследствие несчастливых обстоятельств они доведены до крайности. Для того чтобы придать новый импульс торговым оборотам, просят «перевести на Херсонскую площадь рыбный ряд и скотскую продажу».

Очень важный момент: обращаются «новобазарцы» к Ришелье, а ответ получают от Комитета, где он председательствовал. Следовательно, как уже отмечалось, ОСК и был главным управленческим инструментом херсонского военного губернатора и одесского градоначальника. 23 марта Комитет находит справедливым тот факт, что надо уравнивать права Вольного рынка и Херсонской площади. По этой причине перенос Рыбного ряда был разрешен. Что касается торговли скотом, то она остается на прежнем месте, то есть на выгоне Вольного рынка, «не запрещающая, впрочем, промышленникам скотом продавать оный, где пожелают из обеих рынков». Это означает, что с весны 1814 г. оба рынка сделались почти равноправными.

23 июня того же года претензии предъявляются уже к самим промышленникам Херсонской площади. Владельцы лавок в Дегтярном ряду жалуются в Комитет, что на «новом базаре» тоже продают деготь и тем самым подрывают их торговлю. 13 июля 1814 г. Комитет пишет в полицию, чтоб деготь по городу более нигде, как только в Дегтярном ряду, не продавали, ибо «каждый здесь рынок имеет свое назначение: что на нем продавать дозволено». Городская полиция пресекла несанкционированную дегтярную торговлю, о чем рапортовала Комитету 7 сентября. Рапорт был получен в ОСК 10 сентября.

26 марта 1815 г. Одесский комитет сообщает в городскую полицию относительно полного уравнивания прав Вольного и Херсонского рынков. Суть в том, что к этому времени Греческий форштат уже довольно интенсивно застраивался, но его обитатели вынуждены были покупать некоторые припасы на отдаленном Вольном рынке. Учитывая отсутствие добротного мощения, в осенне-зимний период сообщение двух районов до крайности затруднялось. Посему ОСК разрешил продавать на Херсонском рынке все, что только ввозят через Херсонскую рогатку: мясо, рыбу, зелень, печеный хлеб и другие продукты.

Между тем в 1815–1819 гг. застройка Херсонской площади продолжается во всех кварталах. В книгах о выдаче утвержденных Комитетом планов в первой половине 1820-х годов фиксируются уже и отдельные достаточно солидные здания, примы-

Площадь Нового рынка в 1860-х

кающие к торговым корпусам со стороны переулков. В архивных делах иного рода находим оценочную стоимость таких строений – по тем временам весьма значительную.

Из городского плана, составленного архитектором Торичелли в 1828 году, видно, что в I квартале было 17 лавок (мест), во II – 18, в III – 15, в IV – 17, в V – 15.

Как раз во время пребывания Пушкина в Одессе, весной 1824-го, на Новом рынке случился довольно большой пожар. В итоге сгорело пять домов на Херсонской площади.¹

* * *

Подытоживая информацию о рыночных площадях и специализированных торговых рядах, отметим следующее. В пушкинское время все они представляли собой довольно гармоничные архитектурные ансамбли в классическом стиле. Это не могло не производить впечатления на приезжих из «внутренних губерний». Их взору открывался архаичный, чуть ли не античный европейский город, наполненный людской энергией, и при этом этнически пестрый, разношерстный, противоречивый, непривычный, очевидно, озадачивающий, настораживающий, а кого-то даже раздражающий – диссонансом формы (как бы агора) и содержания (как бы караван-сарай).

На протяжении многих десятилетий городское гражданство вовсе не было монолитным, целостным, однородным, таким уж тесно сообщающимся. Даже почти 20 лет спустя в местной газете указывают на «разные разности из одесской жизни», «разные слои, круги и кружки»: евреи – в одном, русские купцы – в другом, негоцианты-иностранцы – по разным нациям, чиновники отдельно, артисты отдельно. «Даже по частям города у нас разница если не в характере населения, то в каком-то особом, тонком, впрочем, и не легко узнаваемом, но, тем не менее, существующем типе. Этот тип определяется всего точнее местностью, но еще более возникает он от того, что каждый избирает себе то место и тот уголок, где ему привольнее, где он чувствует себя, как у себя, у своего очага, а не вчуже. Таким образом, новобазарное население не то, что население около Старого базара или у Михайловского монастыря, и еще менее то, что на Греческом, или за балкою и за Новиковым мостом, или на бульваре и в Воронцовском переулке. Все это вращается в своих перифериях, и только подчас какая-нибудь чрезвычайная новость электрической искрой проносится по этим разрозненным сферам...».²

Продолжение следует

Примечания

¹ ГАОО, ф. 1, оп. 190, д. 9, л. 169 и др.

² Одесский вестник. — 1853, № 129.

